

АНАТОЛИЙ РАКИТОВ

Смена ментальности

Модернизация России, инновации, образование и наука

В одной из своих ранних работ К. Маркс, сильно недолюбиваемый в современной России, писал: «...теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹. В формулировке этой заключена сермяжная истина, смысл которой сводится к утверждению, что всем крупномасштабным, коренным социальным изменениям предшествуют не менее радикальные и крупномасштабные изменения в общественном сознании, нормах социально значимого поведения и деятельности, то есть социогенной ментальности. При этом, конечно, общественные идеалы, представления о будущем, о лучшей жизни и всеобщей справедливости, провозглашаемые и выпестованные пророками и поборниками грядущих изменений, чаще всего не соответствуют той социальной реальности, которая возникает, складывается и развивается в результате этих самых изменений.

Наполеон, с презрением относившийся к современным ему и предреволюционным пророкам и прорицателям грядущих изменений, пренебрежительно называл их идеологами. С тех пор смысл и значение «идеологии» не раз

менялись и по-разному истолковывались. Сейчас мы можем сказать, что наиболее распространенным и принятым значением термина «идеология» является система социально значимых, общепринятых в данном крупномасштабном социуме ценностных установок, норм и эталонов общественного поведения и деятельности, представлений о желаемом общественном устройстве и миропорядке. Тех, кто вырабатывает эти нормы и представления, кто хранит их, отстаивает или, наоборот, пытается противопоставить им новые, называют идеологами существующего или ожидаемого общественного устройства.

В постреформенной России конца XX — начала XXI века слова «идеолог» и «идеология» стали употреблять, как правило, в пренебрежительном смысле. А между тем с учетом главного пункта в повестке дня сегодняшней России — девизом всеобщей универсальной модернизации — к этим словам следовало бы относиться серьезнее. Исторический опыт России за последние 100 лет показывает, что многие теоретические установки, в том числе и общепhilosophические, преломляясь через деятельность идеологов, действительно могут привести к радикальным и, не будем стесняться, революционным изменениям в жизни общества. Лозунг «Вся власть — Советам!», брошенный в

---

¹ К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 1. С. 422.

массы в апреле 1917 года, после долгих и сложных перипетий в конце концов реализовался в сломе старой русской государственности и возникновении Советской власти. Сама она как высшая и притом «демократическая» форма диктатуры пролетариата очень быстро превратилась в диктатуру крохотной кучки соратников Ленина, а затем уже — в единоличную диктатуру Сталина.

Идея коллективного хозяйствования без эксплуататоров и эксплуатируемых, пришедшая к нам от европейских утопических социалистов, обернулась новой колхозной формой крепостного права. А идея всеобщего индустриального развития как фактора всеобщего изобилия, реализованная в виде советской индустриализации, стала основой милитаризации экономики.

Нечего и говорить, что совсем уж диссидентские по масштабам 1970—1980-х годов мечты о крушении однопартийной системы, цензуры слова и контроля за средствами массовой информации в эпоху ельцинизма обернулись (может быть, и полезными для России) распадом СССР, бешеной приватизацией всего, что подворачивалось под руку, и образованием новых экономических, политических и криминальных элит, создавших общество жесточайшей социальной дифференциации, распада общественных связей и политической индифферентности.

И вот теперь, когда ни нефтегазовый бум, ни бряцание ржавыми доспехами не смогли уберечь страну от системного кризиса, перед политическими, криминальными и бизнес-элитами, слившимися в одно неповоротливое целое, снова возникли старые традиционные российские вопросы: что делать? куда идти? чего хотеть? А. Тойнби говорил, что общество, ориентированное на традиции, обречено на исчезновение; общество, ориентированное на сегодняшний день, становится застойным;

и только общество, ориентированное на будущее, может развиваться².

На протяжении почти 70 лет, от октября 1917 года до начала эпохи ельцинизма (срок для нашего времени, скажем прямо, немалый), ответ на первый вопрос был ясен: строить социализм и коммунизм. Цели эти были в каком-то смысле инновационными. Но к середине 1960-х годов, с уходом Хрущева с политической сцены, пафосная идея строительства коммунизма ушла в небытие. А зрелый и развитый социализм уже к середине брежневского правления, примерно в конце 1970-х — начале 1980-х годов, не воспринимался всерьез даже его идеологами. Нужно было что-то новое.

Но как раз ничего нового в окостеневшей идеологии советских партийных и государственных элит не было и быть не могло. После распада Советского Союза и образования Российской Федерации младореформаторы ельцинского призыва, отвечая на первый вопрос, сформулировали два ответа: во-первых, надо строить конституционное либерально-демократическое общество с формально равными возможностями для каждого; во-вторых, создать благоприятные условия для развития рыночной экономики. Первый из этих ответов осуществился в весьма противоречивой политико-правовой реальности конституционного права, чисто формальном равенстве всех перед законом, в провозглашении главной ценностью соблюдения прав человека. Второй нашел свое «наличное бытие» в безграничной, зачастую преступной, приватизации государственных активов, быстром развитии криминальных структур, стремительном росте преступности, и особенно коррупции, в общегосударственном масштабе. Начались стремительные, в значительной

² См. А. Тойнби. Постигание истории. М., 1996.

мере негативные, метаморфозы общества. В худшую сторону начал меняться его менталитет.

Три великих российских вопроса на некоторое время приобрели четкость. Что делать? Хватать все, что подвернется под руку. Куда идти? В швейцарский, австрийский, английский или американский банк. Чего хотеть? Особняк, желательное недалеко от Гайд-парка, или пентхаус на Пятой авеню в Нью-Йорке. Что же касается низов общества, то все три вопроса вели к одному ответу: как-нибудь выжить и не попасть под колеса нового демократического государства. Из некогда индустриальной державы Россия стала превращаться в сырьевой придаток Западной Европы. А права человека, гарантированные Конституцией, оказались в столь плачевном состоянии, что нынешний Президент России провозгласил необходимость радикального реформирования правоохранительных органов ввиду их неспособности эти самые права поддерживать и защищать.

К концу XX века некомпетентность политических элит и почти ничем не сдерживаемая преступность в предпринимательской, особенно финансовой, сфере привели к первому серьезному кризису новой, никак, впрочем, не обозначенной социально-экономической системы, к крупномасштабному дефолту 1998 года. Два последующих года Россия зализывала раны. А с начала нового столетия, благодаря непрерывному подъему цен на углеводородное топливо, в стране начался медленный, но, как казалось, надежный экономический рост, позволивший сгладить остроту некоторых социальных проблем. Для многих искать ответ на вопросы, что делать и куда идти, стало совсем не обязательно. Все делалось как бы по инерции. Идти, как думалось, нужно было лишь на международные сырьевые рынки.

К руководству страной пришли новые люди, вполне довольные собой и сложившейся ситуацией, позволявшей смягчить некоторые негативные последствия неудач 1990-х годов, отчасти сгладить углы, пообещать населению розовые перспективы. В этих условиях не было никакой потребности в особой идеологии, в обозначении целей и идей, способных служить долгосрочными ориентирами для нации. В стране «горело очень многое, но этого никто не замечал» (Новелла Матвеева. «Пожарный»).

Глубинное неблагополучие и необходимость четко ответить на три артикулированных выше вопроса стали ясными и неотложными, когда в 2008 году разразился новый глобальный системный кризис, втянувший в свою орбиту и Россию. Этот год был знаменателен и в другом отношении. В двух из 20 крупнейших стран мира к власти пришли новые президенты: Барак Обама — в США; Дмитрий Медведев — в России. В области международных отношений начала осуществляться провозглашенная Обамой политика «перезагрузки», приведшая к некоторому снижению напряженности между этими странами. В области внутренней политики США были сделаны три важнейших шага: значительно увеличена финансовая поддержка науки; усилена регулирующая роль государства в области экономики, и особенно финансов; проведена серьезная реформа в области национального здравоохранения. Что касается России, то вновь избранный президент провозгласил принцип всеобъемлющей социально-экономической модернизации, поддержки инновационной экономики, модернизации армии, правоохранительных органов и образования. Дают ли эти инициативы ответы на три заданных вопроса? Прежде всего разберемся с проблемой модернизации.

По самой своей этимологии модернизация означает обновление. И в большой исторической ретроспективе оказывается совсем уж не таким редким делом. В долгой истории человечества модернизации подвергались орудия труда, жилища, технические устройства и аппаратура, оружие, ирригационные сооружения, транспортные системы, системы связи и т. д.

Модернизировались правовые устои обществ, государственные и религиозные системы, реформировались, исчезали и вновь возникали различные конфессиональные организации. Менялся менталитет населения больших социальных систем. Для быстроразвивающихся индустриальных обществ, которые стартовали в Европе в XVIII веке, технологические модернизации становятся нормальным, так сказать «будничным» процессом. А с середины XX века превращаются в постоянно ускоряющийся непрерывный научно-технологический прогресс (НТП), во многом зависящий от социально-экономической и политической организации общества. При этом в таких суперэнтатистских системах, какими был Советский Союз, а ныне являются Российская Федерация и Китайская Народная Республика, НТП в преобладающей степени зависит от политических импульсов, исходящих от государства.

В истории России первым примером крупномасштабной модернизации могут служить реформы Петра I. Однако, если говорить откровенно, они представляют собой пример усеченной модернизации, поскольку затрагивали сферу военно-промышленного производства и систему государственного устройства и управления. Основной же сектор народного

хозяйства России — сельское хозяйство с крепостным правом и крайне отсталой сельскохозяйственной техникой — оставался неизменным вплоть до отмены крепостного права (экономико-правовая модернизация) и внедрения современной сельскохозяйственной техники в советских колхозах и совхозах (технологическая модернизация).

Однако основными вехами модернизации промышленно-технологиче-

При обсуждении проекта Сколково многие ученые, бизнесмены, экономисты, публицисты высказывали мнение, что инноград превратится в мощный насос казнокрадства, коррупции и различных фальсификаций.

ческого сектора нашей страны были индустриализация на базе новой — первоначально импортной, а затем и отечественной — техники, осуществлявшаяся в течение полутора десятилетий, предшествовавших Второй мировой войне; а затем — резкий научно-технологический рывок, связанный с созданием атомного оружия, ракетных вооружений и освоением космоса. Этот модернизационно-инновационный импульс привел к созданию мобилизационной экономики и определял характер жизни в Советском Союзе до середины 1970-х годов, но к началу 1980-х — почти полностью исчерпал свои возможности. Модернизационные порывы в Советском Союзе прекратились. Страна впала в состояние технологического, экономического и общественно-политического застоя.

Этот застой был особенно заметен и сопровождался остронегативными явлениями в социальной и интеллектуальной жизни, особенно на фоне быстрого развития НТП в США, странах Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, которые вслед за Японией, вступившей в послевоенный период на путь быстрой информатизации общества, начали насыщать свою экономику прогрессивными, в том числе высокими, технологиями, высококонкурентными продуктами и услугами.

Экономические реформы, проводившиеся в России, ставшей в 1990-е годы независимым государством, быстро наполнили рынок бытовыми товарами, продовольствием и услугами первой необходимости, но, как это ни кажется парадоксальным на первый взгляд, сопровождалось полной стагнацией в технологической сфере, прежде всего в машиностроении и в оборонных технологиях, бывших на протяжении предшествующих десятилетий основным двигателем НТП в нашей стране. Более того, в течение двух последних десятилетий научно-технологический потенциал России был почти полностью исчерпан. На многих промышленных предприятиях машинный и станочный парк не обновлялся по 20, 30 и даже 40 лет. А если частичное его обновление и происходило, то в основном за счет импорта оборудования.

Теперь стоит хотя бы коротко остановиться на ситуации, в которой оказалась Россия к началу второго десятилетия XXI века. Большинство людей, как известно, живет не в сфере высоких идеалов, благородных душевных порывов, эстетических и этических ценностей: люди живут обычной бытовой жизнью. Как уже говорилось выше, реформы 1990-х годов наполнили российские рынки бытовыми товарами, транспортными и коммуникацион-

ными средствами и продовольствием. Кто имел деньги, заработанные или украденные, мог купить все. Но в целом крайне острыми оставались проблемы с жильем, здравоохранением, качественным образованием, надвигающимся демографическим кризисом и постоянно ухудшающейся экологической ситуацией, особенно в больших городах, промышленных и сырьевых центрах.

Чтобы ответить на вопросы, что делать, куда идти, чего хотеть, стоит перейти от этих в общем-то достаточно эмоциональных оценок к некоторым количественным показателям, основанным на объективных статистических исследованиях. Такие исследования публикуются в виде приложения к ежегодному «Отчету о развитии человечества» Организации Объединенных Наций и в статистических сборниках Росстата. В качестве важнейшего показателя будем рассматривать уровень жизни, который определяется как уровень материального благополучия, характеризующийся объемом реальных доходов на душу населения. При этом следует иметь в виду, что действительный уровень жизни определяется и рядом внеденежных факторов, которые мы пока рассматривать не будем.

Итак, согласно статистическим приложениям к Отчету ООН за 2009 год, 1-е место по уровню жизни занимает Норвегия; 2-е — Австралия; 4-е — Канада. 13-е — США; 68-е — Белоруссия; 71-е — Россия; 85-е — Украина. Разумеется, эти данные относительно так же, как пресловутая «средняя температура по больнице». Тем не менее они достаточно красноречивы.

Еще более значительными являются такие показатели, как прожиточный минимум и средний уровень заработной платы. Прожиточный минимум представляет собой размер денежных средств, необходимых для поддержания человека в жизнеспособном со-

стоянии, то есть дающие возможность приобрести минимум наиболее дешевых продуктов питания, медицинских услуг и одежды. По данным Росстата, в декабре 2009 года средняя зарплата в России составляла 23,7 тысячи рублей в месяц. Черта бедности в России проходит на уровне 14,3 тысячи рублей в месяц. Ниже этой черты находится две трети населения³. Выше этой черты с подушевым доходом от 15 до 25 тысяч рублей в месяц находится 21,8 процента населения.

В то же время средний прожиточный минимум за четвертый квартал 2009 года по России в целом составлял 5144 рубля на душу населения; 5562 рубля — для трудоспособного населения; 4091 рубль — для пенсионеров; 4922 рубля — для детей. Если учесть, что показатели прожиточного минимума как по стране в целом, так и по каждому региону устанавливаются в соответствии с федеральным законодательством о прожиточном минимуме, то можно согласиться со следующей оценкой: «В современной России прожиточный минимум чрезвычайно низок, совершенно недостаточен для приемлемых условий жизни и не может обеспечить даже жизнь за гранью бедности».

Понятие «прожиточный минимум» играет чрезвычайно важную роль в современных социологических, экономических, демографических и политологических исследованиях, потому что именно в терминах этого минимума определяется оценка части населения, образующей так называемых средний слой, который, по мнению большинства исследователей, является социальной опорой нынешнего российского режима. По методике Всероссийского центра уровня жизни, к среднему слою

относятся лица с доходами в диапазоне от 7 до 11 минимальных прожиточных уровней, то есть с доходами от 36 тысяч до 56 584 рублей в месяц. В справочнике «Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009» указывается, что доход от 25 тысяч до 50 тысяч рублей в месяц в 2008 году имели 12,6 процента населения; а доход свыше 50 тысяч рублей — 3,5 процента. Таким образом, социальную опору нынешнего государства составляет примерно 16 процентов населения, что само по себе должно вызывать определенную настороженность и сомнения в том, что нынешняя государственная система России выражает интересы большинства.

Добавим к этому, что, несмотря на обилие товаров и услуг, которые при определенной оплате можно получить в современной России, жизненный уровень в сравнении с таким же показателем развитых стран в России первого десятилетия XXI века оказался ниже, чем в застойные 1970-е годы, когда Россия по этому показателю входила в двадцатку наиболее развитых стран мира. Это, конечно, не означает, что фактическая повседневная бытовая жизнь большинства населения России была в 1970-е годы более благополучной, но безусловно показывает, что развитие России в условиях глобальных трансформаций сильно отстает по темпам роста от развитых и быстроразвивающихся стран.

Из сказанного как будто бы следует ответ на вопрос: что делать? Его можно было бы сформулировать примерно так. Добиваться существенного повышения уровня жизни и прожиточного минимума как всего населения России в целом, так и каждого отдельно взятого региона. Но тут же возникает другой вопрос: почему за время устойчивого роста экономики докризисного десятилетия этого не было сделано? Почему, несмотря на многочисленные призывы к модернизации, раздавав-

³ См. А. Сусаров. Черты бедности: За официальной статистикой по доходам россиян скрывается ухудшение социальной ситуации в стране. — «Время новостей». 16.02.2010.

шиеся и раньше, призывы к созданию инновационной экономики, страна так и не сделала решительных шагов в направлении такой экономики и всеобъемлющей модернизации?

Ответы на эти вопросы как будто бы уже придуманы. Во всем виновата сырьевая экономика. Основные поступления в бюджет России за два десятилетия, и особенно за последние докризисные годы, давал сырьевой сектор экономики, в первую очередь экспорт углеводородного топлива. За счет этих поступлений Россия импортировала товары широкого потребления, транспортные средства, значительную часть продовольственных товаров, электробытовую технику и т. д. Доля бюджетных поступлений, получаемых от производства и реализации на внутреннем рынке отечественных товаров и услуг, составляла ниже 40 процентов. К тому же эти товары и услуги были и остаются низкого качества.

Для сравнения укажем, что в США доля поступлений от производства и реализации на внутреннем и внешнем рынках товаров и услуг, создаваемых на основе прогрессивных, и особенно высоких, технологий, колеблется в интервале от 80 до 90 процентов. В развитых странах Евросоюза — от 70 до 80 процентов. В Японии, практически не имеющей собственных сырьевых ресурсов, такие поступления составляют 90—100 процентов.

Почему же дело обстоит именно так? Почему Россия с ее гигантскими просторами и сырьевыми ресурсами оказывается в таком тяжелом положении? Почему страна находится, как уже говорилось, на 71-м месте по уровню жизни?

Первая причина заключается в деградации технологической базы нашей экономики.

Второй причиной является низкая производительность труда. В нашей стране она примерно в 4 раза ниже,

чем в США; в 3 раза ниже, чем в Ирландии и Люксембурге. В целом примерно в 2,5 раза ниже, чем в развитых странах Евросоюза. Как отмечал в одном из своих выступлений Д. А. Медведев, в некоторых отраслях нашей экономики производительность труда в 20 раз ниже, чем в развитых странах⁴.

Третья, как следствие двух предыдущих, — низкое качество и конкурентоспособность производимых товаров и услуг.

Четвертая — глубокая антиинновационность общества в целом, сознательное, а еще чаще — бессознательное, уходящее корнями в исторические традиции сопротивление всему новому.

Пятая — высокая коррупционная составляющая всех ветвей власти, всех ее форм и уровней.

Шестая — неверие большинства граждан России в возможность позитивных изменений в бытовой, производственной, политической и духовно-культурной сферах, к которым постоянно призывают руководители страны, парламентарии, работники СМИ. Это традиционное для страны неверие «начальству», связанное с оторванностью последнего от социальных, бытовых и социопсихологических проблем населения, является, кстати говоря, одним из самых сильных препятствий на пути к модернизации общества и создания инновационной мотивации.

Седьмая — предельная бюрократизация и некомпетентность государственно-административного аппарата всех уровней, сопротивление чиновничества реальному реформированию и модернизации самих государственных структур. Одним из механизмов, который должен был бы сделать государственное управление страны более динамичным, адекватным стоящим перед обществом задачам, соответству-

⁴ См. Е. Шишкунова. Равноприближает. — «Известия». 09.04.2008.

ющим интересам населения, было бы создание электронного правительства. Это сделало бы все ветви власти более открытыми и понятными населению, позволило бы установить эффективные прямые и обратные связи всех форм государственного управления с населением. В целом ряде стран Америки, Евросоюза и Азиатско-Тихоокеанского региона высококомпьютеризированные и интернетизированные модели электронного правительства либо уже действуют (Канада, Финляндия), либо близки к завершению. У нас же, как сказал президент Д. А. Медведев, электронное правительство — это миф⁵.

Наконец, последней по счету, но, возможно, одной из первых по значению и реальному влиянию на все стороны жизни в нашей стране, является массовое неумение и нежелание хорошо, качественно работать без погоняльщиков, надсмотрщиков, мер дополнительного принуждения, без жесткой потогонной тейлористско-фордистской системы организации труда.

В экономической, социологической, общественно-политической литературе, особенно в нашей стране, долгое время имела широкое хождение (и, кажется, до сих пор сохраняет определенную авторитетность) точка зрения М. Вебера, согласно которой интенсивный высокоэффективный труд в системах рыночной капиталистической экономики в качестве своей поведенческой основы имеет этику протестантизма. В соответствии с этой веберовской концепцией протестантизм привнес в жизнь большинства европейских капиталистических стран, и особенно в жизнь США, высокую рационалистичность, расчетливость,

бережливость, трудолюбие, добросовестность в исполнении своих обязанностей и т. д. Все это вместе якобы объясняет, почему капитализм так быстро и форсированно развивался в странах, где духовно-религиозной и этической основой был протестантизм во всех его ипостасях.

Однако теперь, по прошествии более столетия со дня появления знаменитой книги М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», мы можем заметить, что быстрое развитие капитализма и крайне добросовестное отношение к труду, качественная работа, высокая профессиональная компетентность и, как следствие, высококонкурентная продукция хорошо прослеживаются в таких непротестантских странах, как Япония, Китай, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия. Эффективны показатели труда и качество создаваемых услуг и товарной продукции в преимущественно католических странах: Италия, Франция. Поэтому, видимо, следует искать разгадку высокого качества труда, трудолюбия, добросовестности, позитивного отношения к своим профессиональным обязанностям в другом, а именно в том, что можно назвать социогенной ментальностью (то есть в системе реально действующих правил общественного поведения, в отношении к труду, порядку, мироустройству, оценке общезначимости добросовестности и компетентности).

Ментальность в этом смысле складывается веками и тысячелетиями. Она формируется под влиянием многих социальных и культурных факторов: религия, образование, жизненное пространство, определенные природно-климатические условия, а также общественно-политический и правовой строй, играющие важную роль в ее эволюционном формировании, а иногда и в революционной деструкции и преобразованиях.

⁵ См. В. Ситнина. Бит или не бит: Дмитрий Медведев поручил приблизить Россию к мировым лидерам информационного общества. — «Время новостей». 13.02.2009.

В советское время в нашей стране термин «ментальность» вообще не имел хождения. Он стал мелькать на страницах наших изданий и в системах СМИ лишь в конце XX — начале XXI века, когда все другие клише начали казаться неэффективными для объяснения существующих в нашем обществе беспорядков, неурядиц, неэффективности экономики и неустроенности быта. Но в устах официальных руководителей он прозвучал относительно недавно и, кстати, весьма уместно. Я имею в виду предварительное обсуждение внесенного Президентом РФ на рассмотрение Государственной Думой законопроекта об иннограде «Сколково». Чтобы значение однократного упоминания «ментальности» было адекватно оценено, я сделаю шаг в сторону и напомню, что собой представляет проект «Сколково».

В России в течение долгого времени ведутся разговоры о создании инновационной экономики, экономики знания и т. д. Причем понятия эти (хотя в действительности это неверно) рассматриваются как синонимы. Однако практика показала, что, несмотря на призывы исполнительной власти развивать инновационную экономику, с этими, как и со многими другими призывами, ничего путного не получается вот уже полтора десятка лет.

Во-первых, глубоко ошибочным является убеждение, что главным двигателем инновационной экономики являются мелкие и средние предприятия якобы в силу их большей инициативности, лучшей управляемости и готовности к риску. Известно, что самые крупные инновационные проекты — такие, как создание космической индустрии, новых летательных аппаратов («Аэробус», «Боинг-787» и др.), новых компьютеров-терафлопников, новых, имеющих всемирное распространение компьютерных программ и платформ, навигационно-разведыватель-

ных систем (GPS и «Глонасс»), требуют огромных финансовых ресурсов и по силам лишь государству и крупным национальным и транснациональным корпорациям.

Во-вторых, серьезные инновации могут опираться только на широко-масштабные научные исследования, которые не в состоянии проводить мелкие фирмы. В-третьих, они требуют участия на ключевых позициях каждого такого проекта талантливых людей, руководителей и исполнителей высшей профессиональной компетенции. Но зачем крупным корпорациям России (о мелких и говорить нечего) тратить «длинные» деньги на разработку инновационных научных проектов, когда сверхприбыли можно получить на экспорте сырья, с помощью безудержной инфляции на внутренних рынках. И зачем талантливым руководителям и высококомпетентным разработчикам и исполнителям работать в отечественных инновационных организациях, когда несопоставимо более высокую зарплату, бытовой комфорт и лучшие условия для профессиональной, в том числе исследовательской, деятельности можно получить за рубежом. Добавим, что в этих странах уровень преступности и коррупционности существенно ниже, чем в России, а уровень правовой защищенности выше.

И вот, чтобы разорвать этот замкнутый круг, в котором со все большим замедлением вращаются российская экономика и российское общество в целом, президент Д. А. Медведев выдвинул идею создания чудесного инновационного города, центра науки, образования, инноваций, инкубатора талантов и специалистов высшей квалификации «Сколково», названного так по одноименной деревушке, находящейся на Сколковском шоссе в Одинцовском районе Московской области. В «Сколково» предполагалось

собрать лучших зарубежных ученых и инженеров, бизнесменов, для того чтобы они могли в абсолютно комфортных по международным стандартам бытовых, производственных и экспериментальных условиях создавать продукцию высшего конкурентного уровня, эффективно развивать науку и образование на уровне магистратуры и аспирантуры. Жилищное строительство в «Сколково» должно отвечать самым изысканным архитектурным требованиям, и, по-видимому, высшим международным стандартам должна будет отвечать и заработная плата иностранных специалистов. Иначе, зачем они приедут в «Сколково», которое пока существует только в виде проекта?

Кстати, выступая на общем собрании Российской академии наук в 2010 году, глава российского правительства В. В. Путин сказал, что средняя заработная плата научных сотрудников РАН составляет 30 тысяч рублей в месяц. Это несколько удивительно, так как большинство исследователей РАН составляют младшие научные, научные, старшие научные и ведущие научные сотрудники с зарплатой в 11, 13, 15 и 17 тысяч рублей в месяц, соответственно, с надбавкой в 3 и 7 тысяч рублей за ученые степени кандидатов и докторов наук. Самая высокая заработная плата исследователя — у главного научного сотрудника, 27 тысяч рублей. По данным наиболее полного справочника, дающего информацию о состоянии науки в США и других странах мира, в 2008 году средняя заработная плата ученых, работающих в исследовательском секторе США, составляла 71 тысячу долларов в год⁶. Насколько нам известно, ученые с максимально высоким рейтингом по месту основной работы получали в среднем 120—150 тысяч долларов в год.

Поскольку в «Сколково» должны быть импортированы не просто высококвалифицированные исследователи из наиболее развитых стран мира, но ученые высочайшего класса, они должны, по-видимому, получать зарплату существенно более высокую, чем они имеют на родине, лучшее по комфортности жилье, иметь более совершенную инфраструктуру для досуга, общения, развлечений, занятия спортом и т. д. По самым предварительным расчетам, с учетом стоимости реального строительства жилья, дорог, офисов, научных лабораторий, закупки оборудования и проч., содержание каждого из таких ученых будет обходиться от 400 до 500 тысяч долларов в год.

Во что при этом выльется создание «Сколково» в целом, включая строительство научно-образовательного центра, магистерских и аспирантских общежитий, офисных зданий для бизнеса, полигонов для производственных испытаний инновационных продуктов и услуг и т. д., заранее сказать чрезвычайно трудно. Но в целом надо отметить, что другого выхода, кроме создания таких инновационных островов в океане российской неустроенности, пока никто не придумал. Правда, еще в советское время, особенно в связи с созданием и развитием атомно-энергетического и космического комплексов, были попытки создать такие искусственные острова в виде наукоградов (в Обнинске, Пущино, Дубне, под Новосибирском, Томском и т. д.). Но их захлестнула волна нашей общей российской инерционности.

Поэтому при обсуждении проекта «Сколково» многие ученые, бизнесмены, экономисты, публицисты высказывали мнение, что инноград превратится в мощный насос казнокрадства, коррупции и различных фальсификаций. Именно поэтому, стараясь развеять негативный смог, поднимающийся над проектом, главный кремлевский идеолог, первый заместитель руково-

⁶ См. «Индикаторы науки и техники. 2010». — www.nsf.gov/statistics/seind10/

дителя Администрации Президента России В. Ю. Сурков, выступая в Госдуме в канун первого слушания законопроекта о «Сколково», обратился к депутатам со словами: «Мы везде подозреваем будущие злоупотребления и так далее, но давайте мы немножко от этого освободимся и поверим друг другу хотя бы раз»⁷.

Прекрасно понимая, что одними заклинаниями в условиях укоренившихся социогенных традиций в общественном сознании и нормах поведения не обойтись, Сурков достаточно четко сформулировал основную позицию: «Чтобы перейти к так называемой инновационной экономике, надо создавать соответствующие условия. И прежде всего в очередной раз менять наши привычки, ментальность»⁸.

Здесь мы снова приходим к тому, о чем говорилось в начале статьи. Чтобы радикально изменить поведение людей, сделать его инновационным, необходимы коренные, глубинные изменения в массовой идеологии, в менталитете нации. Если инновационность не становится массовым императивом, самые радикальные инновационные намерения господствующих элит останутся пустыми вербальными конструкциями.

Действительно, за последние 100 лет ментальность самих элит, то есть поведенческие установки придворных и близких к ним кругов, неоднократно менялись. При Ленине славословили и развешивали портреты Ленина. При Сталине все стены и простенки в кабинетах, на площадях украшали лики «отца, вождя и учителя». Затем бралось равнение на Хрущева, Брежнева и т. д. Но в основе поведения нации, ее основных производящих и производительных сил господствовали пассивность

и неверие в лозунги и идеалы будущего, которыми пытались подхлестнуть трудовую активность, пробудить дух инновационности, состязательности, конкурентности. И как писал известный российский историк философии и поэт А. Н. Чанышев:

Но энергичных братья
Пройдет — и вновь апатия
И снова тишь, безвременье
Без искры, без сверкания

И вновь на нашем темен
Проклятье отставания

(12 сентября 1972 г.)

Попытки изменить ментальность трудозанятого населения России, сделать его инновационным за последние два десятилетия предпринимались не раз. Создавались особые экономические зоны с налоговыми льготами, таможенными преференциями и т. д. Но объем российской инновационной продукции на мировом рынке по-прежнему измеряется десятками и сотнями долями процента.

Нельзя сказать, что на протяжении последнего столетия ментальность нации не менялась. Она подвергалась мощному воздействию таких радикальных факторов, как Октябрьская революция 1917 года и ленинский Декрет о земле, передававший ее в собственность крестьянам-производителям. Ментальность менялась под влиянием нэпа, насильственной коллективизации и индустриализации, под влиянием Великой Отечественной войны, массовых репрессий и расстрельной деятельности 1937—1939 и последующих годов, под влиянием механизмов эпохи застоя, душивших любую инициативу и т. д. Но все эти более или менее радикальные изменения не стимулировали массовую инновационность, при которой в выигрыше оказывались бы сами новаторы, изобретатели, ученые.

Выступая на предварительных слушаниях законопроекта о «Сколково»,

⁷ *Цит. по: К. Веретенникова.* «Давайте поверим друг другу хотя бы раз»: Дума обсудит президентский закон о «Сколково». — «Время новостей». 02.07.2010.

⁸ Там же.

председатель координационного совета «Сколково», президент Фонда развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий, один из крупнейших российских долларовых миллиардеров Виктор Вексельберг отмечал, что проект включает пять элементов: наука, образование, крупный бизнес, стартапы и городская инфраструктура⁹. Предполагается, что финансироваться проект будет как за счет российского бюджета, так и за счет зарубежных инвесторов. А главный кадровый потенциал составят «импортируемые» иностранные ученые.

Допустим, что этот проект удастся и будет реализован. Но сможет ли точечное инновационное образование содействовать прогрессу российской науки и образования в целом? Распространятся ли на них благодетельные модернизации и инноваций? Это очень важно, чтобы понять, что делать и как делать, потому что изменить менталитет не нескольких десятков тысяч жителей «Сколково», а десятков миллионов жителей страны можно только с помощью многомиллионной армии выпускников российских вузов и сотен тысяч ученых исследователей.

В 2008/2009 учебном году в вузах России училось 7 миллионов 513 тысяч человек, закончили высшее учебное заведение 1 миллион 358 тысяч¹⁰. При этом, по приблизительным подсчетам, большинство из них — специалисты социально-гуманитарных и экономических специальностей. Но здесь как раз возникает определенное, и притом вполне объективное, противоречие.

С одной стороны, для реальных экономических, технологических и социально значимых инноваций необходимо больше высококвалифицированных специалистов естественно-научных, математических, программистских, ин-

женерных специальностей. С другой стороны, проблема широкомасштабного изменения социогенного менталитета общества требует хорошо подготовленных социально-гуманитарных специалистов и главным образом изменения самих условий жизни, организации общества, то есть общественного бытия и управления сложными социальными процессами. Смогут ли в этом деле интенсивно участвовать вузы?

Еще в 2008 году министр образования и науки утверждал, что большинство наших высших учебных заведений не конкурентоспособны, а серьезной финансовой поддержки государства достойны всего 15—20 процентов из них¹¹. Если к тому же учесть, что в 2008/2009 учебном году число высших учебных заведений равнялось 1134¹², то, согласно вышеприведенной оценке министра, качественное образование дают лишь 226 вузов. В рейтингах соответствующих международных агентств даже самые сильные российские вузы не входят в списки первых 200. Так что совершенно неясно: кто будет менять менталитет нашего населения, корпуса наших инженеров, экономистов и бизнесменов? Кто будет поставлять молодые энергичные кадры для реализации «стартапов» в «Сколково» и других инновационных научно-исследовательских и образовательных проектов этого острова будущего?

Добавим, что за последние годы в России решением директивных органов статус национальных и федеральных исследовательских университетов получило несколько высших учебных заведений. В то время как в наиболее развитых странах мира статус исследовательских университетов зарабатывается десятилетиями ус-

⁹ См. **Е. Моргунова**. Родился красивым: Что погубит Сколковский проект? — «Поиск». 16.07.2010.

¹⁰ «Наука России в цифрах. 2009. Статистический сборник» М., 2009. С. 25.

¹¹ *Цит. по: С. Южная*. Курс на конкурс: Высшую школу России ждут радикальные перемены. — «Поиск». 08.08.2008.

¹² См. «Наука России в цифрах: 2009. Статистический сборник». С. 24.

пешной научной работы, венчающейся общепризнанными результатами¹³, в нашей стране этот статус присваивается решением соответствующих правительственных органов. К тому же в России имеется много учебных заведений и филиалов, насчитывающих до 500 и даже 300 студентов. Они, согласно утверждению бывшего руководителя Рособразовании Н. Булаева, либо подлежат ликвидации, либо в них должен быть прекращен прием студентов¹⁴.

С учетом реального демографического кризиса и сокращения числа потенциальных абитуриентов можно считать, что поток молодых специалистов, желающих посвятить себя научной деятельности после окончания вуза, также резко сократится. Как это скажется не в масштабе одного иннограда «Сколково», а в масштабе всей страны, трудно сказать. К тому же важно, что качество выпускников высших учебных заведений России по международным критериям очень невысоко. В 2009 году председатель Рособнадзора Л. Глебова официально сообщила, что половина высших учебных заведений России не соответствует своему официальному статусу¹⁵. Это означает, что миллионы студентов получают некачественное образование, и, следовательно, некачественную подготовку будут получать магистранты и аспиранты, за счет которых будут пополняться кадры исследователей. Возможно, для иннограда «Сколково» будет сделано исключение, а в магистратуру и аспирантуру этого заповедника научных талантов попадут действительно способные, хорошо подготовленные специалисты. Но

это «предположительное» исключение лишь подтверждает общую безотрадную картину, имеющую место на сегодняшний день.

Уже сейчас можно утверждать, что с российской наукой, без развития которой инновационное будущее страны становится очень сомнительным, дело обстоит в высшей степени неблагоприятно. В 2008 году в научной сфере России было занято 761 252 человека. Из них исследователей — 275 804 человека. При этом по сравнению с 1990 годом происходило постоянное снижение численности занятых в науке, и в 2008 году оно составило 39,2 процента от 1990 года, то есть сократилось более чем в 2,5 раза¹⁶. Параллельно этому предпринимаются попытки представить дело так, будто с наукой все обстоит благополучно. Выступая на заседании Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям, руководитель Правительства РФ В. В. Путин в марте 2010 года сказал, что общие расходы на фундаментальную и прикладную науку, высшее образование, высокотехнологичную медицинскую помощь, профильные федеральные программы (авиация, космос, атомная отрасль) составляют 1,1 триллиона рублей, или более 10 процентов федерального бюджета¹⁷.

На первый взгляд это производит впечатление. Но если учесть реальную исторически сложившуюся институциональную, организационную и финансовую обособленность атомной энергетики, авиационной промышленности, здравоохранения, фундаментальных (то есть академических) и прикладных (отраслевых) исследований и высшего образования, то окажется, что каждой из этих отраслей народного хозяйства достанутся очень

¹³ См. А. И. Ракитов, А. Н. Райков, Е. А. Ковчуга. Наука, образование, инновации: Стратегическое управление. М., 2007.

¹⁴ См. Д. Луганская. Филиальный отсев: «Рособразование» продолжает закрывать мелкие вузы. — «Время новостей». 17.02.2010.

¹⁵ См. Т. Кондракова. Имидж под контролем: Надзор за вузами усилят. — «Поиск». 13.02.2009.

¹⁶ См. «Наука России в цифрах: 2009». С. 44.

¹⁷ См. Н. Волчкова. Триллер с триллионом: Государственные расходы на инновации поражают воображение. — «Поиск». 12.03.2010.

небольшие ломтики пирога, который с таким размахом был предложен главой правительства.

Для сравнения укажем, что на фундаментальные исследования в США в 2009 году государство потратило 41 миллиард долларов. В то время как в России на эти же цели было выделено 80 миллиардов рублей (то есть по явно заниженному курсу 30 рублей за 1 доллар — примерно 2,7 миллиарда долларов)¹⁸. Разумеется, научные исследования финансируются не только за счет средств бюджета. В странах, где экономика движется по инновационному пути, промышленность сама финансирует значительную часть прикладных и даже фундаментальных исследований. Однако и здесь сравнение положения дел в России и развитых странах не в нашу пользу. Доля промышленности в финансировании научных, в основном прикладных, исследований не превышает в нашей стране 25 процентов, тогда как в развитых странах она составляет 50—70 процентов¹⁹. И это приводит к прямым и притом негативным экономическим последствиям, ставящим под сомнение перспективы инновационного развития России. По словам бывшего министра науки и технической политики академика В. Е. Фортова, российская высокотехнологичная продукция на мировых рынках высоких технологий составляет не более 1 процента²⁰.

Неблагополучие в науке, в сфере инноваций, в промышленности — лишь часть общего неблагополучия, затрагивающего все сферы общества. Нельзя добиться высоких темпов развития науки и высоких технологий, не уст-

раняя коренных социальных пороков общества, и наоборот, нельзя добиться устранения этих пороков, игнорируя проблемы науки, образования и совершенствования сферы высоких технологий. Общество — сложная система, в которой все подсистемы тесно связаны и влияют друг на друга. Известный общественный деятель и депутат Государственной Думы РФ Оксана Дмитриева в начале 2010 года, характеризуя общее положение в стране, говорила, что по темпам экономического роста Россия занимала 207-е место из 214, по борьбе с коррупцией — 147-е из 180 и по уровню социального благополучия — 131-е из 180²¹.

Может быть, не стоило упоминать в этой статье только что приведенные данные. Но они лаконично и наглядно характеризуют общий фон, который объясняет неблагополучие и в науке, и в экономике, и в системе высшего образования. Я берусь утверждать, что общее кризисное состояние общества является мощным препятствием на пути модернизации и инноваций. Осуществить модернизационный процесс не в масштабах одного иннограда, а в масштабах всей России без развития экономики и социальной сферы нельзя. Но эта последняя в свою очередь требует глубокого изменения в той самой ментальности, и притом в общенациональном масштабе, о которой говорил В. Ю. Сурков.

Социогенная ментальность на протяжении предшествующих этапов истории складывалась столетиями, иногда тысячелетиями. Сейчас у России такого временного ресурса нет. Речь может идти в лучшем случае о двух-трех десятилетиях. В выработке новой социогенной ментальности должны участвовать мощные современные средства массовой информации, семья, школа, система вузов, наука с ее

¹⁸ См. она же. Далеко ли до расцвета? Власть заждалась светлого инновационного будущего. — «Поиск». 19.03.2010.

¹⁹ См. «Чем смогли, помогли: Российская наука выживала не в одиночку». — «Поиск». 05.03.2010.

²⁰ См. В. Фортов. Основные элементы программы развития Российской академии наук. — «Поиск». 2008. 23.05. С. 7.

²¹ См. Н. Волчкова. Далеко ли до расцвета? Власть заждалась светлого инновационного будущего. С. 3.

возможностями опосредованного воздействия на сознание людей через меняющиеся условия жизни, достижения научных исследований. На социогенную ментальность влияет то в лучшую, то в худшую сторону аппарат государственного управления, суды, правоохранительные органы, система институтов гражданского общества, законодательство, наконец, религия и принятые доминанты ценностных установок. Но как раз со всеми этими факторами в нашей стране дело обстоит неблагоприятно.

Так, желая ответить на один из важнейших вопросов «чего хотеть?», высшее руководство страны пошло по давно испробованному пути и создало Институт современного развития, который после недолгих усилий опубликовал манифест «Россия XXI века: Образ желаемого завтра». После набора вполне тривиальных рассуждений о пользе социальной справедливости, необходимости уменьшения острых социальных противоречий, повышения обороноспособности, улучшения образования и судебной системы, снижения уровня коррупции авторы этого документа представили свое видение будущего России, каким оно будет через четыре десятилетия в разделе «Россия: XXI век. Полдень». Материал этот вывешен в Интернете, не буду его пересказывать, но отмечу, что по этому документу:

1. В середине XXI века в России соотношение между самыми богатыми и самыми бедными гражданами сократится до пропорции 1:10.

2. Взятки не исчезнут полностью, но брать их будут по-божески.

3. Восторжествует социальная справедливость (что это означает, пока никто не знает).

4. Будут сильное президентское государство и многопартийная система (дойдет до двух десятков партий). Причем правоцентристская и левоцентристская партии будут основными и

будут по очереди получать большинство в обеих палатах парламента.

5. Будет развиваться образование (как, какое, за счет чего и почему — неясно).

6. В экономическом отношении Россия войдет в число пары десятков ведущих стран мира (при этом неясно, ведущие страны останутся и будут ждать, пока их догонит Россия, или тоже будут развиваться).

Можно еще добавить несколько обнадеживающих оптимистических пунктов. Но гораздо интереснее обратить внимание на то, что название «XXI век. Полдень» позаимствовано у Б. Стругацкого. Известно, что Аркадий и Борис Стругацкие были одними из самых знаменитых советских писателей-фантастов. Впоследствии Борис Стругацкий начал выпускать альманах фантастических повестей и рассказов «Полдень. XXI век» в виде приложения к журналу «Вокруг света». Так что, позаимствовав это название для центрального раздела своего итогового документа, сотрудники Института современного развития открыто признали сугубо иронический, фантастический характер своего труда. Из этого следует, что ответов на вопросы, что делать, куда идти, чего хотеть, в манифесте не содержится.

Чтобы подвести некоторый разумный итог сказанному в этой статье, я сформулирую несколько дискуссионных тезисов. Как мне показалось, готовых ответов на три роковых вопроса, стратегических рецептов выхода из длительного отставания у России нет. И формирование новой ментальности надо начинать с профессиональной (я подчеркиваю, именно профессиональной, а не дилетантской) спокойной и прагматически ориентированной дискуссии, с тем чтобы наметить если не окончательное решение, то хотя бы пути, ведущие к нему. Тезисы эти следующие.

1. Чтобы решить подавляющее большинство социальных и экономи-

ческих проблем, необходимо, чтобы Россия превратилась в супериндустриальное общество. Термин этот предложил А. Тоффлер. Но им, насколько я знаю, в течение трех-четырех последних десятилетий почти никто не пользовался. Я придаю ему вполне определенный смысл, никак не связывая себя тем, что по этому поводу думал автор термина. Россия должна развиваться так, чтобы к 2030 году примерно 40 процентов поступлений в бюджет давали налоги на промышленную продукцию (в том числе высокотехнологичную) и услуги, реализуемые на внутреннем и внешнем рынках. К 2040 году такие поступления в бюджет должны увеличиться и составлять 50—55 процентов, а в «полдень XXI века», то есть после 2050 года, они должны превышать 65 процентов и в дальнейшем непрерывно расти. Это снизит зависимость России от сырьевых рынков, повысит занятость населения, ее общий квалификационный уровень, то есть качество человеческого капитала, повлечет за собой новые, более высокие требования к образованности, профессиональности, к социогенной ментальности в целом.

Но при этом, что чрезвычайно важно, производство энергоносителей и других природных ресурсов не должно уменьшаться. В абсолютном ценовом выражении оно должно даже расти, главным образом за счет производства и продажи продуктов глубокой вторичной переработки первичного сырья. Только при этих условиях Россия сможет войти в число действительно развитых стран мира.

Надо ясно понимать, что концепция постиндустриальности — миф. Самые богатые страны мира продвигаются по пути индустриального развития, и особенно развития высоких технологий, базирующихся на новейших достижениях современной науки. Этим, кстати, определяется постоянно растущая роль науки и высшего образо-

вания в супериндустриальных обществах.

2. Добиться, чтобы к 2020 году ниже черты бедности жило не более 60 процентов граждан России. К 2030 году — не более 52; к 2040-му — не более 42; к 2050-му — не более 33 (с учетом покупательной способности рубля на каждую веховую дату).

3. Сделать главной позицией внутренней государственной политики жилищное строительство (подразумевается наличие жилья в распоряжении каждой российской семьи). Стратегический план по этой позиции должен быть построен так, чтобы «в полдень XXI века» не менее 90 процентов российских семей были обеспечены отдельными удобными для проживания квартирами или отдельными домами, соответствующими утвержденному государственному стандарту, чтобы любой взрослый человек или семья могли приобрести в кредит или по недорогому ипотечному финансированию квартиру при условии трудоузанности членов такой семьи.

Нетрудоспособным гражданам государство должно на льготных условиях оказывать помощь в приобретении жилья.

4. Чтобы избежать чисто вербальных рассуждений о социальной справедливости и для преодоления коррупции, являющейся одним из основных препятствий развитию России, необходимо внедрить в наше законодательство и облечь в юридическую форму принцип, согласно которому за взятку любых видов и размеров полную уголовную ответственность несет ее получатель. Тот же, кто ее предлагает, заслуживает административного и общественного порицания. Всякое сопротивление этому принципу следует преодолеть раз и навсегда.

5. Для того чтобы победить традиционный российский бюрократизм и хоть частично освободить общество от власти сотен тысяч Фамусовых и

Молчалиных, необходимо начинать компьютеризацию всех видов деловой, культурной, управленческой, образовательной, исследовательской деятельности и сферы услуг с самого детства. В этом случае работа в Интернете со всеми видами электронной документации станет привычным, будничным делом для поколения нынешних первоклассников. И это означает, что через 15—20 лет модели электронных правительств федерального, регионального и муниципального уровней будут повседневной практикой, минимизируют чиновничий произвол, позволяют сократить число госслужащих и облегчат прямую и обратную связь граждан с представителями всех ветвей власти, что несомненно благоприятно скажется на инновационном потенциале страны и изменении социогенной ментальности.

Принятие этого тезиса и его реализация в определенных рамках изменят ментальность нашего населения за пару десятилетий до наступления «полдня XXI века».

6. Необходимо радикально изменить систему высшего образования. Постепенно, но достаточно быстро, в течение 5—6 лет, все высшие учебные заведения, не соответствующие своему статусу, ликвидировать с причинением минимального вреда студентам, сохранив в составе высших учебных заведений лишь высококвалифицированных профессоров и преподавателей, обеспечив их, в случае необходимости, жильем по месту новой работы. Повысить требования к качеству преподавания профильных дисциплин, особенно математических и естественно-научных.

Увеличить прием на инженерные и информационно-технологические факультеты, а также факультеты, обеспечивающие подготовку специалистов высшей квалификации по приоритет-

ным направлениям науки и техники, утвержденным Президентом РФ. Добиться в течение 10 лет, чтобы без всяких подтасовок национальные и федеральные исследовательские вузы России вошли в число 200 лучших университетов мира. Перестать играть в присвоение ранга «исследовательский университет» высшим учебным заведениям, которые не входят в перечень лучших университетов мира. Надо поднимать качество высшего образования, чтобы выпускники вузов могли заниматься исследованием на том же уровне, на каком будут (согласно нынешним проектам) заниматься инновационными исследованиями магистранты, аспиранты и молодые научные сотрудники в «Сколково».

7. Провести реформу государственных бюджетных академий наук, с тем чтобы они были освобождены от опеки чиновников Минобрнауки, чтобы зарплата, по крайней мере исследователей, была сопоставима с уровнем предполагаемой зарплаты в «Сколково». Потому что инновационный процесс не может осуществляться в одной точке, а изменение ментальности, призванной стимулировать модернизационную и инновационную ориентации нации, должно пронизывать сознание всех слоев общества. Необходимо стимулировать создание новых современных форм организации и управления наукой. Нынешние формы ее организации и управления архаичны, консервативны, традиционны и неэффективны.

Я полностью отдаю себе отчет в том, что реализовать эти шесть тезисов несопоставимо труднее, чем пообещать построить «Сколково». Труднее хотя бы потому, что тезисы вполне реалистичны. Но ведь моя задача — сказать, а сделать что-нибудь реальное и полезное для нации — задача власть предержащих. ◆